

§ 2 ИНТЕГРАЦИОННОЕ ПРАВО И НАДНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Яковлюк И.В., Мамычев А.Ю., Шестопап С.С.

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИМПЕРСКОЙ МОДЕЛИ ВЛАСТИ

Аннотация: Предметом исследования является модель организации власти в Евросоюзе, который исследователи европейской интеграции традиционно относят к одной из разновидностей международных организаций, характеризуя его как наднациональную организацию или квазифедеративное образование, а иногда сравнивают его с конфедерацией. Однако, дискуссии относительно его правовой природы не отличались особой остротой, а сделанные выводы были практически свободны от противоречий. В конце 1980-х годов процесс объединения государств в рамках Евросоюза приобрел форсированный характер, охватив не только экономическую, но социальную, культурную и, что особенно важно, политическую сферы. В результате этих тенденций конструкция Евросоюза стала тяготеть к большей централизации, его идентичность стала более расплывчатой, а конечная цель – неопределенной. Цель данной статьи – проанализировать признаки имперской организации власти и сопоставить их с существующими реалиями организации Евросоюза. Для получения научных результатов данного исследования были использован комплекс общенаучных (исторический, формально-логический и герменевтический методы) и специально-юридических методов познания (сравнительно-правовой и формально-юридический методы). В результате данного исследования, авторы приходят к заключению, что успешное воплощение свойств империи и реализация присущих ей функций может действительно постепенно привести к формированию социально-политической системы, которая, несмотря на наличие у нее индивидуальных свойств, будет обладать рядом стандартных характеристик, которые эмпирически можно найти в любой империи. Очевидно, что этот вывод в равной степени касается и Европейского Союза. Тем не менее, предположение о таком направлении развития событий носит скорее вероятностный или даже гипотетический, а не категорический характер. Процесс эволюции управленческого устройства Евросоюза в настоящее время находится в динамической фазе и практически невозможно построить однозначную временную интерполяцию этих преобразований.

Ключевые слова: Европейский союз, Международные отношения, Имперская модель государства, Европейская идентичность, Евроинтеграция, Право Европейского союза, Глобализация, Многополярность, Государство, Геостратегия.

Abstract: The subject of this article is the model of organization authority within the European Union, which the researchers of European integration traditionally refer to as one of the varieties of international organizations, characterize as the supranational organization or quasi-federative institution, and sometimes compare with confederation. However, the discussions regarding its legal nature were not as contentious, and the conclusions made were practically free of controversies. In the late 1980's the process of unification of the state within the framework of the European Union was accelerated and captured not only economic, but also social, cultural, and most importantly political spheres. As the result of these trends, the construct of the EU began to gravitate towards greater centralization; its identity became more blurred, and its final goal – undefined. The goal of this work is to analyze the features of the imperial organization of authority and compare them with the existing realities of organization of the European Union. The authors come to a conclusion that a successful realization of the properties and functions of the empire can gradually lead to the establishment of sociopolitical system, which despite the presence of individual qualities, will possess a number of universal characteristics that can be empirically found in any empire. It is evident that such conclusion equally pertains to the European Union. But such vector of development of the events carries an opportunistic or rather hypothetical character, rather than categorical. The evolutionary process of the EU government structure is currently in the dynamic phase, and it is virtually impossible to establish an unambiguous temporary interpolation of these reforms.

Keywords: Globalization, European Union law, European integration, European identity, Imperial model of the state, International affairs, European Union, Multipolarity, State, Geostrategy.

Европейский Союз – это качественно новое интеграционное объединение, построенное на принципах, обеспечивающих равновесие между наднациональными и национальными интересами. Механизм осуществления власти в ЕС имеет уникальный характер, объяснить который, опираясь на известные формы организации власти, довольно сложно. Опираясь на общепринятые правовые понятия остановимся на некоторых составляющих этого механизма

1. Правовая природа Европейского Союза.

Различные Европейские сообщества всегда привлекали внимание ученых правоведов. Однако, до тех пор, пока они выступали продолжением и логическим завершением геополитических тенденций, возникших до их создания, дискуссии относительно их правовой природы не отличались особой остротой, а сделанные выводы были практически свободны от противоречий. В конце 1980-х годов процесс объединения государств в рамках Евросоюза приобрел форсированный характер, охватив не только экономическую, но социальную, культурную и, что особенно важно, политическую сферы. В результате этих тенденций конструкция Евросоюза стала тяготеть к большей централизации, его идентичность стала более расплывчатой, а конечная цель – неопределенной.

Исследователи европейской интеграции традиционно относят Евросоюз к одной из разновидностей международных организаций, характеризуя его как наднациональную организацию или квазифедеративное образование, а иногда сравнивают его с конфедерацией или организацией *sui generis* [11, с. 148-249]. В последнее время, в трактовке интеграционного устройства Евросоюза, появился принципиально новый подход, допускающий использование в процессе организации и осуществления власти в Евросоюзе принципов, свойственных некоторым империям. Дополнительный повод для рассмотрения вопросов устройства Евросоюза с этой точки зрения дают его руководители и члены правительств государств-членов, заявляющие, что ЕС – это не Соединенные Штаты Европы, а уникальное историческое образование, формирующееся по принципу империи [2], а мировое сообщество вступает в эпоху, когда проблемы, стоящие перед ним, будут решаться дюжиной реальных или потенциальных региональных империй [3]. Подобные оценки все чаще слышны и из уст ученых: Европа как империя [14], Евросоюз – это глобальный имперский проект, заключающийся в политико-правовом объединении бывших имперских

государств, пытающийся интегрировать успешные имперские технологии современного периода [1, с.10]. Указанные, как и многие другие подобные сравнения, дают основания утверждать, что подход, предполагающий анализ Европейского Союза сквозь призму имперской модели организации власти, является чрезвычайно актуальным, поскольку в юридической науке, и в частности в теории международного права, он еще не использовался.

Нельзя не согласиться с тем, что возрождение понятия «империя» следует рассматривать как один из признаков глубинной трансформации современного международного порядка. Об этом свидетельствует передача части власти суверенных государств и последующее ее сосредоточение в руках новых международных субъектов – интеграционных объединений военно-политического, экономического или коммуникативного характера [15].

2. «Имперская идея» в организации и функционировании ЕС

Зададимся вопросом, делает ли из государства империю наличие в ее наименовании формального указания на этот статус (Римская, Византийская, Британская, Российская, Австро-Венгерская, Османская империи) или империей может быть государство (интеграционное объединение наподобие ЕС), которое, хотя формально и не именуется империей, однако по совокупности присущих ему признаков может быть квалифицировано как таковое? Ответить на этот вопрос, как и оценить оправданность заявленного подхода невозможно без тщательного анализа проблемы, поскольку понятие «империя» относится к наиболее десемантизированным понятиям современного языка.

В процессе обсуждения вопроса возможности использования в ходе построения объединенной Европы имперских принципов организации власти, следует исходить из того, что, во-первых, такое сравнение допустимо проводить лишь с момента (начиная с 1970-х гг.), когда в организации Европейских сообществ начали использоваться имперские подходы, и, во-вторых, ЕС корректно сравнивать лишь с традиционными империями, в частности с Римской империей, которая остается генеральным референтом любого идеального типа империи.

Анализ литературы, посвященной анализу организационной структуры Евросоюза как наднациональной организации власти, а империи – как особой формы политико-территориального устройства, дает основания сформулировать следующие выводы от-

носителю возможности использования Евросоюзом следующих характерных свойств империи.

1. Определяющей чертой империи является наличие в ней сверхмощного – как в институциональном, так и в ценностном отношении – макросоциального центра, воплощенного в имперских политических институтах, образующего, с территориальной и этнической точки зрения, относительно автономную единицу со своим особым статусом, являющуюся гегемоном или доминирующей в ней при реализации своих интересов [9, с. 255].

Поскольку Евросоюз – это не империя, а наднациональное объединение, использующее ее принципы и технологии, то под «центром» следует понимать не доминирующую этническую группу, а группу государств-членов, так называемое «ядро» ЕС. Такое «ядро» в зависимости от ситуации может иметь разную конфигурацию. Это «ядро» доминирует в Евросоюзе на всех этапах интеграции, определяет направление его развития, решает вопросы о времени и степени углубления интеграции, контролирует ключевые назначения в институциональном механизме и принимает окончательное решение о предоставлении членства в Евросоюзе.

Имперская модель организации власти должна опираться на «стержневой народ», численность которого должна составлять не менее 50 % от населения империи, чтобы обеспечить ее единство. В Европейском Союзе как стержневой народ длительное время выступал франко-немецкий блок (140 млн. человек). Хотя он представлял меньшинство, но в условиях поддержки со стороны стран Бенилюкса и Италии и учитывая то, что Берлин и Париж выступали главными донорами интеграции, этого было достаточно, чтобы обеспечить единство ЕС. Однако, в условиях увеличения численности членов ЕС до 28, а населения – до 500 млн., из которых население Франции и Германии составляет 28 %, имперская модель как основа развития объединенной Европы не может эффективно функционировать с опорой на тандем Франции и Германии. В этих условиях Париж и Берлин вынуждены были допустить расширение «ядра» за счет Великобритании, Италии и Испании, а также Польши.

2. Если базовым интегратором в национальном государстве выступает нация, то в империи – Идея (мифологический концепт империи как сакрального всемирного государства – Миф) о ее миссии [11, с. 159]. Миф воплощается в системе ценностей веры или идеологии, а также в особом социокультурном комплексе имперского сознания. Он способствует формированию государственной парадигмы, то есть

неявно функционирующей модели, согласно которой происходит воспроизводство государственно-правовых структур [7, с. 9-10]. Содержание Мифа всегда раскрывает смысл существования империи, оправдывает осуществляемую ею экспансию.

Если имперские задачи четко не сформулированы, то предполагается, что под ней понимается расширение империи. Справедливость этого вывода подтверждается в случае с Евросоюзом, эволюционирующим в направлении к традиционной (территориальной) империи. Лишенный четко выраженной верховной власти, Евросоюз не может поставить и решить какую-либо содержательную задачу, кроме задачи расширения. При этом, установка на территориальное расширение, возникшая благодаря успеху первых расширений, привела со временем к образованию стабильного стереотипа.

Европейский Союз использует свой образ успешного интеграционного объединения как своеобразный миф. Желание приобщиться к этому образу побуждает соседей ЕС добровольно согласиться на «мягкую» десоверенизацию ради членства в Союзе. С. Каспэ считает, что образ ЕС – это «мягкая сила», которая может быть не менее эффективной, чем «жесткая сила» (вооруженные силы и методы жесткого давления), но без негативных последствий для того, кто эту силу использует [6, с. 42].

Однако стратегия постоянного расширения порождает серьезные внутренние проблемы. Продвижение границ ЕС на восток и юг может дать обратный результат, спровоцировав новую волну «национальных возрождений» в самой Западной Европе, признаки чего сегодня можно наблюдать в Бельгии, Великобритании, Испании. Вместе с тем, если ЕС прекратит расширяться и при этом не будет провозглашена новая содержательная задача, он будет обречен в лучшем случае на распад на государства, его образовавшие, а при неблагоприятных обстоятельствах, учитывая высокую степень регионализации Европы и наличие сепаратистских образований – распадется на многочисленные неустойчивые постимперские образования [4].

3. Принципиальная бесконечность является особенностью империи, в противовес государству, одним из признаков которой является принцип территориальности. Империя не может вести себя нейтрально по отношению к государствам, которые входят в сферу ее влияния. Главный акцент в политике расширения она делает на принципе включения и поглощения соседних народов (цель этой политики заключается в интеграции многих этнокультурных групп в большое политическое сообщество, в рамках которого за

их членами признается право сохранять свою специфическую идентичность), поскольку добровольное принятие социально-нравственного идеала, на котором она строится, свидетельствует об оправданности претензий империи на всемирный характер.

О наличии у ЕС этого признака свидетельствует следующее. Союз распространяет свою власть на территорию, состоящую из территории государств-членов, внутренние границы между которыми являются прозрачными. При этом, стремясь обеспечить систему пространственной всеобщности своей власти над всем «цивилизованным миром» (формально ограниченным территории географического региона), ЕС не желает, а иногда не может четко ограничить пространственные границы интеграционного процесса и зон своего потенциального влияния, что мешает определению легитимных границ его расширения.

В современных условиях Германия и Франция не могут позволить себе осуществлять политику территориальной экспансии, в следствие чего она осуществляется в рамках ЕС, который легитимизирует ее содержание, как бы лишая экспансионистской сущности: позиция, высказанная от имени Союза, придает ей больше веса, доверия, убедительности и финансовых возможностей.

В чем заключается главный смысл политики расширения ЕС? Достижение могущества – вот главная цель Евросоюза, стремящегося на равных конкурировать с другими «имперскими» системами (США, Китай, Россия). Главная предпосылка могущества – это территория, а значит – население, полезные ископаемые, финансовые ресурсы, возможность осуществлять внешнеэкономическую экспансию через торговлю и инвестиции [13, с. 14]. Таким образом, политика расширения Союзом реализуется не как самоцель – она направлена прежде всего на то, чтобы, получая новые рынки сбыта [5, с. 13], снизить зависимость от экспорта в США. Новые государства-члены ЕС (прежде всего страны ЦВЕ) – это «свежая кровь», породившая соревновательный федерализм, который ускоряет развитие европейской экономики в целом. При этом трудно не заметить, что в ЕС [7, с. 67-68], как и в империи, достаточно четко прослеживается традиционное противоречие: с одной стороны, «ядро» Союза де-факто осуществляет «эксплуатацию» новых членов, которая заключается в недопущении их самостоятельного развития свыше определенного предела (определенное различие в развитии должно оставаться – только в этом случае «ядро» Союза может сохранять статус «первых среди равных», реализуя политику обеспечения своих национальных интересов в виде общеевропейской политики), а с другой – он прилагает

определенные усилия для их прогрессивного развития (если бы такое стремление не имело места, то трудно было бы рассчитывать на добровольное вступление в объединение новых членов; подъем социально-экономического развития новых членов выступает материальным воплощением величия ЕС) ради того, чтобы они выступали экономическим резервом развития интеграционного объединения.

Сегодня одной из главных проблем интеграции выступает противоречие между формальным политическим равенством членов ЕС и различным уровнем их экономического и культурного развития, что не позволяет рассматривать их как действительно равноправных субъектов объединения. Надежды на быстрое «подтягивание» новых членов к уровню лидеров оказались безосновательными. Если принять во внимание тот факт, что Европейский Союз на определенном этапе развития начал использовать имперские принципы функционирования, то этот вывод не будет казаться странным, поскольку обмен между центром и периферией всегда носит неэквивалентный характер: ресурсы, вложенные в первоначальный импульс расширения, должны компенсироваться за счет ресурсов периферии и при том с избытком, чтобы гарантировать следующий этап расширения [7, с. 45].

Для стабильного существования внутренне напряженной системы необходима защита от нестабильности на ее границах. Политика территориального расширения ЕС с помощью механизма адаптации законодательства стран-кандидатов к законодательству Союза превратилась в универсальное средство решения этой проблемы. Вместе с тем позиция некоторых государств-членов ЕС (например, Нидерландов) по поводу принятия в объединение новых членов, в частности Украины, дает основания обсуждать вероятность сценария, когда Европа будет условно разделена на центральную (Европейский Союз) и «периферийные Европы», которые его окружают и выполняют роль буфера между ЕС и Россией как двумя квазиимпериями. Со временем может возникнуть, если уже не возникает, ситуация, когда вокруг ЕС образуется определенная зона (фактически буферная) из государств, которые будут тесно привязаны к Союзу, поскольку окажутся в пределах созданного им без их участия правового, экономического, социального, культурного и информационного поля, но при этом окажутся в роли не равноправного субъекта формирования общей политики, а объекта, которому отводится роль исполнителя правил, принятых в Европейском Союзе.

4. Важным признаком империи есть власть и общности властвования. В отличие от империи огра-

ничество власти институтов ЕС четко формализовано и такое же жесткое: власть Союза не суверенная – его институты наделяются ею национальными правительствами. Правда факт согласие государств-членов на избрание Европейского парламента непосредственно населением Союза указывает на возможность легитимации наднациональной власти непосредственно народами объединенной Европы.

В Евросоюзе, как и в империи, действует общее правило: в пределах четко эксплицитной и принятой национальными правительствами (элитами) союзной задачи институты ЕС вправе делать не только то, что им прямо дозволено учредительными договорами, но и с молчаливого согласия национальных правительств расширять свои полномочия с помощью суда ЕС (в рамках доктрины предполагаемых полномочий), используя для управления широкий спектр инструментов, имеющихся в их распоряжении.

Управление в ЕС осуществляется через прагматизацию идеального союзного задания, монополия на толкование которого принадлежит институтам межправительственного сотрудничества, прежде всего Европейскому совету, который может его менять, не ставя под сомнение саму идею интеграции. Поскольку союзная задача имеет идеальный характер (под ней традиционно понимают расширение ЕС или продвижения общеевропейских ценностей), то ее исполнение не предусматривает обсуждение, однако требует прагматизации (определение того, кто и что должен делать, как его действия будут оцениваться) в каждый момент времени. При этом не менее важное значение приобретает формирование и поддержка образа союзной власти как такой, что эту идею эффективно реализует, что легитимизирует ее как в глазах государств-членов, так и народов объединенной Европы.

В вопросе организации власти в ЕС зависимость наднационального уровня власти от национально-го прослеживается более четко, чем в империи, а поэтому управление, осуществляемое Союзом, заключается прежде всего в обеспечении лояльности со стороны национальных правительств и если не управление ими, то по крайней мере в недопущении с их стороны проведения антиинтеграционной политики, что поставило бы под сомнение само существование Евросоюза. В этом плане введение прямых выборов в Европарламент стало важным шагом в утверждении легитимности одного из наднациональных институтов власти ЕС, которую он получил не от национальных правительств, а непосредственно от народов Союза.

Для ЕС, как и для империи, важно, чтобы реализация союзной задачи была организована таким

образом, чтобы она затрагивала населения лишь в той мере, в какой единство и степень мобилизации национальных элит позволяет выдержать обратное давление населения. История доказывает, что не существует такой идеи, на реализацию которой длительное время можно было бы мобилизовать население империи. Этот вывод в равной степени касается и ЕС. Необходимость постоянного изменения направлений прагматизации союзного задания связана именно с этим обстоятельством. Чем дольше отрабатывается одно направление интеграции, тем больше давление на население, и тем меньше солидарности национальных правительств (под такие направления каждый раз выстраивается и замыкается конфигурация тех государств, которые заинтересованы в нем, в то время как другие государства-члены остаются в стороне).

Постепенная эволюция институциональной системы, усиление наднациональных начал в организации и осуществлении власти в ЕС является прямым следствием расширения и углубления интеграции. Централизация власти в Евросоюзе осуществляется медленно, но уверенно. Так, по сравнению с существующей на момент создания Европейских сообществ системой институтов настоящим прорывом выглядит избрание Европейского парламента непосредственно населением государств-членов и приближение его полномочий к полномочиям национальных парламента; введение должности Президента ЕС и верховного представителя Союза по вопросам внешней политики и безопасности, применение процедуры принятия решений квалифицированным большинством голосов по значительному кругу вопросов и др. Кроме того, следует брать во внимание практику последовательного делегирования институтам ЕС права реализации многих ключевых суверенных прав государств-членов, что неуклонно укрепляет наднациональный характер власти в ЕС [10].

5. Важным признаком как империи, так и Европейского Союза является осуществление политики универсализма. Основная угроза европейской стабильности и глобальной конкурентоспособности кроется внутри объединения – это политическая и социально-экономическая неоднородность и развитие национализма как политической идеологии.

Решение о переводе в практическую плоскость формирования у граждан своих стран ощущение общеевропейской идентичности, гражданского единства европейцев, основанный на ощущении ими своей принадлежности к единому европейскому дому, было принято в 1984 г. на саммите в Фонтенбло в результате осознания того, что утверждение такой идентичности является необходимым условием обеспечения

политического единства объединенной Европы и залогом успеха всего интеграционного проекта. Функционирование наднационального Европейского Союза требует формирования общеевропейской идентичности, поскольку самосознания народов Европы является квинтэссенцией новой политической системы, которая не только позволяет в определенной степени манипулировать национальными властями, но и мобилизует значительные материальные и духовные ресурсы для саморегулирования наднационального правопорядка. Отметим, что такая идентичность не вытекает ни из истории, ни из интеграции. В этих условиях универсализм выступает необходимым условием выхода за пределы национального сознания, устаревших национальных конфликтов, которыми пронизана европейская история.

Универсализм, встроенный в концепцию общего блага, реализуется Союзом. Без этого трудно обеспечить единство многонационального и многоконфессионального объединения, включающее многочисленные социальные группы часто с достаточно отличительными интересами, вследствие чего потенциал конфликта в ЕС достаточно трудно уравнивается потенциалом общих ценностей. Поиск инструментов унификации, которая проводится в условиях провозглашенной политики сохранения национального многообразия, заставляет как руководство ЕС, так и национальных правительств искать приемлемые для современного состояния интеграции средства. Если в империи такими традиционными инструментами выступали армия, образование, унифицированное право, гармонизированный образ жизни и типы потребления, тогда как эффективность использования с этой целью религии, денег, политических церемоний, почетных наград и т.д. ставилась под сомнение [12, с. 640-641], то в ЕС основным средством унификации выступает право, единая валюта (евро), союзное гражданство, общеевропейские символы, юридическое образование, тогда как от использования с этой целью религии, языка, образования в целом, армии Союз отказывается.

В зависимости от сферы общественной жизни политика универсализма имеет разное проявление: гармонизация, координация деятельности, согласование и т.д. При этом главным инструментом унификации выступает право ЕС, которое обладает прямым действием и верховенством над национальным правом государств-членов.

Не менее важное место в формировании европейской идентичности отведено политике унификации в финансовой сфере. Сегодня пророческим выглядит высказывание Ж. Монне: «Европа будет создана ва-

лютой или никогда не будет создана». К. В. Кемаев, в свою очередь отмечает, что ЕС использует в качестве инструментария в борьбе за возрождение доминирующей роли Европы на мировой арене именно валютно-финансовую составляющую [8, с. 4-5].

Учитывая значение единой валюты в становлении европейской идентичности, можно говорить о росте политического влияния Европейского центрального банка в утверждении наднациональных принципов ЕС. Стратегия ЕЦБ заключается в постепенном расширении еврозоны в качестве главного показателя принадлежности к ЕС. В контексте этой политики государства ЦВЕ будут обязательно привлечены к еврозоне, а такие государства как Греция, удерживаться в ней даже если это не будет отвечать требованиям экономической целесообразности, поскольку в противном случае возникнет альтернативная модель развития части государств-членов ЕС, что породит дисбаланс интеграционных процессов и соответственно поставит под сомнение успешность проекта «евро».

6. Важным признаком империи является ее способность выполнять функцию независимого и беспристрастного арбитра, что позволяет достигать мирного разрешения конфликтов между различными этносами, социальными группами или территориями, обеспечивает интеграцию гетерогенного в этнокультурном, социально-экономическом, политическом и правовом отношении пространства в единый социальный организм. Европейский Союз способен выступать гарантом безопасности народов, входящих в его состав: во-первых, механизм функционирования ЕС построен на принципах, обеспечивающих предупреждение конфликта или его решения на ранних стадиях возникновения; во-вторых, политическая и экономическая мощь Союза является гарантией для народов, добровольно входящих в его состав, от агрессии со стороны других государств; в-третьих, осуществление Союзом экономических и социальных проектов общеевропейского масштаба способствует ломке барьеров, которые до возникновения ЕС мешали установлению более тесных контактов между европейскими народами.

7. К суверенным правам империи относят вопросы обороны и внешней политики. Общей и глубокой унификации подвергаются сферы культуры, образования и права; существует один официальный язык. В Европейском Союзе данный признак реализована лишь частично:

– вопрос общей внешней политики и политики безопасности остаются в сфере действия межправительственного сотрудничества. Положения учредительных договоров, относящихся к Общей политике

безопасности и политики в сфере обороны, не ограничивают отдельные аспекты политики безопасности и обороны государств-членов; ЕС и государства-члены остаются связанными положениями Устава ООН; государства-члены сохраняют за собой право вето при принятии решений, ссылаясь на «жизненно важные соображения национальной политики» (ст. 17 Договора о ЕС); исключается возможность применения принципа квалифицированного большинства при принятии решений в этой сфере; переход к общей политики в сфере обороны осуществляется путем принятия единогласного решения Европейским советом; компетенция Суда ЕС не распространяется на эту сферу;

– в Европейском Союзе создана региональная правовая система. Право ЕС является составляющей национального права государств-членов, действует на принципах прямого действия и верховенства;

– вопросы культуры и образования отнесены к сфере, где Союз обладает компетенцией осуществлять деятельность, направленную только на координацию или поддержку деятельности государств-членов. Союз лишен возможности осуществлять гармонизацию национальных норм права в указанных сферах;

– интеграция направлена на постепенную унификацию стандартов жизни. Однако, она не предусматривает достижение полного однообразия, уничтожения особенностей культуры народов, которые образуют Союз. Официальными языками ЕС признаны официальные языки государств-членов.

Сегодня преждевременно утверждать, что Европейский Союз является империей. Однако следует принимать во внимание, что ни одна империя не создается одномоментно и быстро. Тем более это касается наднационального по своей правовой природе Европейского Союза, что предполагает сохранение статуса суверенного государства за его членами. За относительно небольшой в масштабах истории вре-

менной интервал ЕС удалось достичь значительно большего, чем за аналогичный время любой другой стране, реализующей имперский проект.

Подводя итог сказанному, следует согласиться с мнением С. И. Каспе о том, что успешное воплощение свойств империи и реализация присущих ей функций может действительно постепенно привести к формированию социально-политической системы, которая, несмотря на наличие у нее индивидуальных свойств, будет обладать рядом стандартных характеристик, которые эмпирически можно найти в любой империи [7, с. 61]. Очевидно, что этот вывод в равной степени касается и Европейского Союза. Однако предположение о таком направлении развития событий носит скорее вероятностный или даже гипотетический, а не категорический характер. Процесс эволюции управленческого устройства Евросоюза в настоящее время находится в динамической фазе и практически невозможно построить однозначную временную интерполяцию этих преобразований.

Вполне возможно, что трансформация ЕС в империю не достигнет полного и окончательного воплощения, но переформатирование бюрократической структуры ЕС пойдёт по другому пути, кто знает?. Естественно, при моделировании процессов трансформации ЕС необходимо принимать во внимание множество объективных и субъективных факторов влияния из-за океана либо бюрократической элиты в Евросоюзе, экономические и геополитические кризисы и противоречия, социальные и культурологические разногласия, вспышки меж- и внутринациональных конфликтов и прочее, что является сложной и трудоёмкой проблемой. Нам, однако, развитие надгосударственной управляющей структуры ЕС в рамках модели построения имперской управляющей структуры кажется наиболее вероятным. Изучению и развитию этой модели мы посвятим наши дальнейшие исследования.

Библиография:

1. Аваков Ю. С. Глобальный имперский проект: политико-правовой анализ институционального транзита : дис. ... канд. юрид. наук : 22.00.02 / Юрий Сергеевич Аваков. Ростов н/Д, 2009.
2. Баррозу назвал Евросоюз «неимперской империей» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.russianamerica.com/common/arc/story.php/359651?id_cr=98.
3. Верхофстадт Г. Три выхода для Европы // Россия в глобальной политике. 2009. № 1
4. Григорьев О. Довелось в империи родиться [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://worldcrisis.ru/crisis/158034>
5. Давлетшина Д. К. Политика ФРГ в Европейском Союзе: автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03. – М., 2001.
6. Каспэ С. И. Империи: генезис, структура, функции // Политические исследования. 1997. № 5.
7. Каспэ С. И. Империя и модернизация: общая модель и российская специфика. М. : РОССПЭН, 2001.
8. Кемаев, К. В. Процесс формирования общеевропейской идентичности: политика валютно-финансового регулирования, механизмы политико-экономической трансформации, технологии стратегического моделирования: дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Константин Валерьевич Кемаев. Н. Новгород, 2007.

9. Кнабе Г.С. Историческое пространство Древнего Рима // Кнабе Г. С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Изд-во «Индрик», 1994.
10. Яковюк І. Особливості впливу наднаціональної організації на державний суверенітет країн-кандидатів та країн-сусідів (на прикладі Європейського Союзу) // Вісник Акад. прав. наук. 2010. № 3 С. 19–31.
11. Яковюк І. В. Правові основи європейської інтеграції: загальнотеоретичний аналіз : монографія. Харків: Право, 2013. 760 с.
12. Lagroye, J. A propos du «concept d'Empire» // Droit, institutions et systèmes politiques en homage a M. Duverger. P. : PUF, 1987.
13. Moreau Defarges Pf. La politique internationale. P. : Hachette, 1990.
14. Zielonka, J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford University Press. 2006. 293 p.
15. Zolo D. Contemporary Uses of the Notion of «Empire» // Jura Gentium: Journal of Philosophy of International Law and Global Politics. – 2007.
16. Lyubashits, V. Y., Mordovcev, A. Y., Mamychev, A. Y., & Vronskaya, M. V. . State: Typological Analysis of Evolutionary Forms //Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – №. 3 S4. – С. 83.
17. Shestopal S. S., Oleynikov S. N. Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law. – 2016.
18. Мамычев А.Ю., Шестопал С.С. Консервативные политические платформы трансформации публично-властной организации на евразийском пространстве // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 237-241.
19. Нгуен Анх Туан, Нгуен Линх The ongoing public debt crisis in the european union: impacts on and lessons for Vietnam // Международные отношения. – 2014. – 3. – С. 364 – 373. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.10649.
20. Хауер-Тюкаркина О.М. Роль «мягкой силы» в условиях глобального экономического кризиса (на примере ЕС) // Конфликтология / nota bene. – 2015. – 4. – С. 363 – 373. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.4.17439.
21. Г. Г. Шинкарецкая Европейский союз и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2012. – 1. – С. 54 – 64.
22. Бодрунова С.С. Делиберативная демократия «сверху вниз»: концепции Европейской публичной сферы и проблема демократического дефицита ЕС // Политика и Общество. – 2014. – 1. – С. 88 – 99. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.10652.
23. Губарец Д.П. Лиссабонский договор: формирование компетенций ЕС в области общей внешней политики и политики безопасности // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. – 2014. – 2. – С. 318 – 325. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.2.11588.
24. Карпович О.Г. Внешнеполитическое (международное) лоббирование: взгляд из Вашингтона и Брюсселя // Национальная безопасность / nota bene. – 2014. – 4. – С. 543 – 552. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.4.12663.
25. Андрушин С.В. Процессы военной интеграции в Европейском Союзе с точки зрения теории неореализма // Национальная безопасность / nota bene. – 2015. – 3. – С. 337 – 348. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.3.15531.
26. Хауер-Тюкаркина О.М. Кризис ЕС: как Германия спасает проект единой Европы // Международные отношения. – 2015. – 2. – С. 155 – 161. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.14153.
27. Ж. М. Кембаев Правовые аспекты эволюции идеи единой Европы // Право и политика. – 2011. – 10. – С. 1713 – 1732.

References (transliterated):

1. Avakov Yu. S. Global'nyi imperskii proekt: politiko-pravovoi analiz institutsional'nogo tranzita : dis. ... kand. jurid. nauk : 22.00.02 / Yurii Sergeevich Avakov. Rostov n/D, 2009.
2. Verkhofstadt G. Tri vykhoda dlya Evropy // Rossiya v global'noi politike. 2009. № 1
3. Grigor'ev O. Dovelos' v imperii rodit'sya [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <http://worldcrisis.ru/crisis/158034>
4. Davletshina D. K. Politika FRG v Evropeiskom Soyuze: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk : 07.00.03. – М., 2001.
5. Kaspe S. Imperii: genezis, struktura, funktsii // Politicheskie issledovaniya. 1997. № 5.
6. Kaspe S. I. Imperiya i modernizatsiya: obshchaya model' i rossiiskaya spetsifika. М. : ROSSPEN, 2001.
7. Kemaev, K. V. Protsess formirovaniya obshcheevropeiskoi identichnosti: politika valyutno-finansovogo regulirovaniya, mekhanizmy politiko-ekonomicheskoi transformatsii, tekhnologii strategicheskogo modelirovaniya: dis. ... kand. polit. nauk : 23.00.02 / Konstantin Valer'evich Kemaev. N. Novgorod, 2007.
8. Knabe G.S. Istoricheskoe prostranstvo Drevnego Rima // Knabe G. S. Materialy k lektsiyam po obshchei teorii kul'tury i kul'ture antichnogo Rima. М.: Izd-vo «Indrik», 1994.
9. Yakovyuk I. Osoblivosti vplivu nadnatsional'noi organizatsii na derzhavnii suverenitet kraïn-kandidativ ta kraïn-susidiv (na prikladi Evropeiskogo Soyuzu) // Visnik Akad. prav. nauk. 2010. № 3 С. 19–31.
10. Yakovyuk I. V. Pravovi osnovi evropeisk'koï integratsii: zagal'noteoretichnii analiz : monografiya. Kharkiv: Pravo, 2013. 760 s.
11. Lagroye, J. A propos du «concept d'Empire» // Droit, institutions et systèmes politiques en homage a M. Duverger. P. : PUF, 1987.
12. Moreau Defarges Pf. La politique internationale. P. : Hachette, 1990.
13. Zielonka, J. Europe as Empire: The Nature of the Enlarged European Union. Oxford University Press. 2006. 293 p.
14. Zolo D. Contemporary Uses of the Notion of «Empire» // Jura Gentium: Journal of Philosophy of International Law and Global Politics. – 2007.
15. Lyubashits, V. Y., Mordovcev, A. Y., Mamychev, A. Y., & Vronskaya, M. V. . State: Typological Analysis of Evolutionary Forms //Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – №. 3 S4. – С. 83.
16. Shestopal S. S., Oleynikov S. N. Theoretical foundation of human rights: J. Maritain philosophy of natural law. – 2016.

17. Mamychev A.Yu., Shestopal S.S. Konservativnye politicheskie platformy transformatsii publichno-vlastnoi organizatsii na evraziiskom prostranstve // *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 2016. T. 5. № 3 (16). S. 237-241.
18. Nguen Ankh Tuan, Nguen Linkh The ongoing public debt crisis in the european union: impacts on and lessons for Vietnam // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2014. – 3. – С. 364 – 373. DOI: 10.7256/2305-560X.2014.3.10649.
19. Khauer-Tyukarkina O.M. Rol' «myagkoi sily» v usloviyakh global'nogo ekonomicheskogo krizisa (na primere ES) // *Konfliktologiya / nota bene*. – 2015. – 4. – С. 363 – 373. DOI: 10.7256/2409-8965.2015.4.17439.
20. G. G. Shinkaretskaya Evropeiskii soyuz i Evropeiskaya konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. – 2012. – 1. – С. 54 – 64.
21. Bodrunova S.S. Deliberativnaya demokratiya «sverkhu vniz»: kontseptsii Evropeiskoi publichnoi sfery i problema demokraticheskogo defitsita ES // *Politika i Obshchestvo*. – 2014. – 1. – С. 88 – 99. DOI: 10.7256/1812-8696.2014.1.10652.
22. Gubarets D.P. Lissabonskii dogovor: formirovanie kompetentsii ES v oblasti obshchei vneshnei politiki i politiki bezopasnosti // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii / International Law and International Organizations*. – 2014. – 2. – С. 318 – 325. DOI: 10.7256/2226-6305.2014.2.11588.
23. Karpovich O.G. Vneshnepoliticheskoe (mezhdunarodnoe) lobbirovaniye: vzglyad iz Vashingtona i Bryusselya // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2014. – 4. – С. 543 – 552. DOI: 10.7256/2073-8560.2014.4.12663.
24. Andryushin S.V. Protsessy voennoi integratsii v Evropeiskom Soyuze s tochki zreniya teorii neorealizma // *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene*. – 2015. – 3. – С. 337 – 348. DOI: 10.7256/2073-8560.2015.3.15531.
25. Khauer-Tyukarkina O.M. Krizis ES: kak Germaniya spasaet proekt edinoi Evropy // *Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2015. – 2. – С. 155 – 161. DOI: 10.7256/2305-560X.2015.2.14153.
26. Zh. M. Kembaev Pravovye aspekty evolyutsii idei edinoi Evropy // *Pravo i politika*. – 2011. – 10. – С. 1713 – 1732.